

Владимир Евдокимович Снапковский

Историческая политика в Республике Беларусь в период президентства А. Лукашенко

Wschodnioznawstwo nr 1, 159-179

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Владимир Евдокимович Снапковский

Историческая политика в Республике Беларусь в период президентства А. Лукашенко*

Историография вопроса

Историческая политика и историография в современной Беларуси в последние годы стала привлекать все более пристальное внимание белорусских и зарубежных исследователей. Среди первых следует назвать таких авторов, как А. Великий, Г. Лазько, Г. Саганович, А. Смолянчук, З. Шыбеко и др.¹ Этой тематике посвящены отдельные номера и рубрики журналов („Arche-Пачатак”, „Беларускі гістарычны агляд”, „Беларускі гістарычны часопіс”, „Гістарычны альманах”²).

Историческая политика, а в более широком контексте взаимоотношения между исторической наукой и властью на территории Беларуси в поздние

* Статья подготовлена в рамках инновационного проекта „Литовско-белорусские отношения в исторической политике Литовской Республики и Республики Беларусь”, выполненного сотрудниками кафедры международных отношений БГУ и Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета.

¹ А. Вялікі, *Гістарычная палітыка ў Беларусі: 1921-1939 гг. Польскі накірунак*, [в:] *Спрычныя пытанні. З гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918-1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі: Зборнік навук. прац II і IV міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010-2012 гг.*, Мінск 2013, с. 242-249; Р. Лазько, *Парадоксы сучаснай беларускай гістарычнай палітыкі ў адлюстраванні падручнікаў на гісторыю для сярэдняй школы*, [в:] *Спрычныя пытанні...*, с. 233-241; А. Смолянчук, „Савецкасць” беларускай поставаецкай гістарыяграфіі, [в:] *Спрычныя пытанні...*, с. 224-229; Г. Саганович, *Историческая политика в постсоветской Беларуси*, http://www.russkiivopros.com/?pag=one&id_278&katcsl=442 (28 V 2015); idem, *Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках гісторыкаў*, „Беларускі гістарычны агляд” 2010, Т. 17, Сшытак 1-2, с. 225-229.

² *Круглы стол на праблемах беларускай гістарыяграфіі*, „Arche-Пачатак” 2003, № 2, с. 34-48 [назва нумара „Туманнасці беларускай гісторыі”]; „Arche-Пачатак” 2013, № 2 [назва нумара „Гістарычная памяць і гістарычная палітыка ў Беларусі”]; *Матэрыялы IV навуковай канферэнцыі Беларускага гістарычнага таварыства „Беларуская гістарыяграфія часоў БССР”*, „Гістарычны Альманах” 2004, № 10; *Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі „Праблемы айчынай гістарыяграфіі, Гародня 19-21 студзеня 2001 г.*, „Гістарычны Альманах” 2001, № 4.

царские, советские и постсоветские времена явилась предметом специального и углубленного рассмотрения в книге немецкого автора Р. Линднера „Историки и власть: формирование нации и историческая политика в Беларуси XIX-XX в.”³. Состояние и проблемы современной белорусской историографии, особенности интерпретации ею положения поляков в Беларуси и белорусско-польских отношений привлекают внимание и польских исследователей, среди которых следует выделить З.Д. Винницкого, посвятившего этой проблематике обширную монографию⁴. Одна из его статей об историографии как методе формирования современного белорусского национального сознания вызвала отклик с нашей стороны⁵.

Целью настоящей статьи является анализ тенденций развития исторической политики в Беларуси в период президентства А. Лукашенко, т.е. временной отрезок более 20 лет, начиная с 1994 г. Рассмотрение исторической политики в Беларуси в период перестройки и первых лет независимости осуществлено нами в специальной публикации⁶.

Начало исторической политики президента А. Лукашенко

После установления режима президентской республики начался новый этап исторической политики в Беларуси. Она открывается общенациональными референдумами 1995-1996 гг., содержащими в себе сильный исторический контекст. На референдуме 14 V 1995 г. большинство принявших участие в голосовании поддержало инициативы президента о придании русскому языку статуса государственного языка, что уравнивало его с белорусским, имевшего до этого статус единственного государственного

³ См. издание на немецком языке: R. Lindner, *Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert*, München 1999. Издание на белорусском языке: Р. Лінднер, *Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў XIX-XX ст.*, Санкт-Пецярбург 2003. Рец. на немецкоязычное издание: У. Снапкоўскі, *Беларускі гісторык пад прыгнётам улады: беларуская гістарыяграфія XIX-XX ст. вычыма нямецкага даследчыка*, „Беларускі гістарычны агляд” 2000, Т. 7, Сшытак 1(12), с. 214-227.

⁴ Z.J. Winnicki, *Współczesna doktryna i historiografia białoruska (po roku 1989) wobec Polski i polskości*, Wrocław 2003. См. рец.: А. Смалянчук, *У пошуках ворага беларускай нацыі*, „Беларускі гістарычны агляд” 2003, Т. 10, Сшытак 1-2, с. 255-280.

⁵ Z.J. Winnicki, *Historiografia jako metoda kształtowania współczesnej białoruskiej świadomości narodowej*, „Echa Przeszłości” 2006, VII, s. 343-375. См. отзыв: У. Снапкоўскі, *Водзук на артыкул Здзіслава Ю. Вініцкага „Historiografia jako metoda kształtowania współczesnej białoruskiej świadomości narodowej”*, „Echa Przeszłości” 2007, VIII, s. 277-283.

⁶ В.Е. Снапковский, *Историческая политика в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985-1994 гг.)*, „Труды факультета международных отношений. Научный сборник” 2014, V, с. 6269.

языка; о замене принятой в сентябре 1991 г. национальной государственной символики (бело-красно-белого флага и герба „Погоня“) модифицированной символикой времен БССР; о поддержке курса президента на экономическую интеграцию с Россией. Референдум и состоявшиеся в тот же день парламентские выборы прошли сразу же после празднования Дня Победы, который в том году отмечался особенно торжественно в связи с 50-летием окончания войны. Это дало возможность увязать злободневный политический интерес с полными эмоцией историческими воспоминаниями. Так, по словам Р. Линднера, возрождалась мемориальная культура бывшего СССР⁷.

В результате второго общенационального референдума 24 XI 1996 г. национальный праздник был перенесен с 27 VII (день провозглашения Декларации о государственном суверенитете в 1990 г.) на 3 VII, день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. Новый праздник со временем получил название День независимости (День республики). Таким образом важнейшая историческая дата была возвращена к временам Великой Отечественной войны, с которой большинство белорусов связывало основы белорусской государственности.

Результаты избирательной кампании 1994 г. и референдумов 1995-1996 гг. обнаружили такую характерную черту массового сознания и психологии белорусов, как „страх перед историей“, о котором говорил В. Гавел, т.е. страх перед назревшими, необходимыми, но и болезненными переменами⁸. Этот страх, который израильский историк М. Конфино назвал еще „террором истории“, имея в виду давление, принуждение к переменам, воздействовал на постсоветское общество и его историков⁹.

Как справедливо считает Г. Лазько, страх перед переменами увеличивался воздействием и такого объективного фактора, как сильная экономическая и вытекающие из этого политическая и военная зависимость Беларуси от России. И хотя за последние 15-20 лет этот страх уменьшился, однако зависимость от могущественной восточной соседки остается высокой, а в годы мирового финансово-экономического кризиса даже усилилась. Зависимость от России остается ахиллесовой пятой государственной исторической политики, поскольку вынуждает соответствующие учреждения и органы смотреть на историографию как на политику, обращенную в прошлое, через призму актуальных белорусско-российских отношений. Эта позиция сильно влияет на подбор кадров для научной и учебной работы, на выбор тематики исследований. А для подобранных кадров очевидная политическая, экономическая и другая зависимость от России служит

⁷ Р. Линднер, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 404-405.

⁸ Р. Лазько, *op.cit.*, с. 235.

⁹ См. Р. Линднер, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 23.

внутренним цензором, критерием отбора исторического материала и строительства концепций¹⁰.

В исторической политике периода президентства А. Лукашенко можно выделить два этапа. Первый начался с его приходом к власти¹¹ и продолжался до начала 2000-х годов. Этот отрезок времени можно условно назвать этапом пророссийской и несоветской исторической политики, когда наряду с активизацией белорусско-российского интеграционного процесса происходил отход от „национальной концепции истории Беларуси” и переход на позиции советскости с примесью „западнорусизма” и православно-имперской идеологии. Вместе с тем согласимся с Г. Лазько в том, что эта тенденция никогда не была необратимой, бесповоротной и единственной в исторической политике государственной власти, хотя всегда была ведущей¹². Наряду с ней, как уже отмечалось, продолжает существовать тенденция, направленная на признание самобытности национального пути белорусского народа и его творческого потенциала в разных областях жизни, включая политическую сферу.

Р. Линднер, характеризуя содержание исторической политики белорусского президента, пишет, что начиная с 1994 г. официальная политика все более отдалялась от национальной версии истории, хотя среди большинства населения распространялась национальная интерпретация истории и современности. Состояние исторического и мировоззренческого вакуума, характерное для последних советских лет и первых лет независимости, вело все-таки большинство белорусских историков на национальные и демократические позиции видения истории. С другой стороны, оно давало возможность определенным несоветским утопиям вновь приобрести силу¹³.

Второй этап исторической политики времен президента А. Лукашенко берет начало в 2003 г. провозглашением курса на создание белорусской государственной идеологии под лозунгом „сильной, процветающей и суверенной Беларуси” и продолжается в настоящее время. Переход к новому этапу обусловлен фактическим крахом проекта создания союзного государства с Россией и необходимостью строительства национального государства с белорусской спецификой („белорусской модели”). З.Ю. Винницкий, посвятивший теории и практике реализации проекта государственной идеологии Республики Беларусь комплексное исследование, отмечает, что этот проект продолжается уже 10 лет и является после периода советиза-

¹⁰ Р. Лазько, *op.cit.*, с. 235.

¹¹ Некоторые исследователи выводят начало его исторической политики с майского референдума 1995 г. и издания второго поколения школьных учебников по истории к 1995-1996 учебному году. См. ниже ссылки на работы Т. Островской и З. Шибеки.

¹² Р. Лазько, *op.cit.*, с. 234.

¹³ Р. Линднер, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 23-24.

ции наиболее длительным и развивающимся этапом формирования государственного, гражданского и национального сознания современных белорусов и белорусских граждан других национальностей (около 20% населения страны)¹⁴.

Начало реализации проекта создания государственной идеологии было положено докладом президента А. Лукашенко на семинаре для руководящих идеологических работников 27 III 2003 г., где он напомнил о попытке введения государственной идеологии в Беларуси „на принципах крайнего национализма” и ее крахе, поскольку „со времен войны национализм ассоциируется в сознании белорусов с фашизмом и геноцидом”. В докладе в частности по этому вопросу было сказано:

Под националистические установки перестраивались системы образования, культуры, деятельность СМИ. Переписывались не только учебники, но и история народа. И многое успели переписать. В сознание людей пытались вдолбить (и, надо сказать, немало количеству вдолбили), что главный враг белорусской государственности — Российская Федерация. Прицел был дальний: отрубить белорусскую ветвь от общего духовного древа с его славянскими корнями. Более того, всех русских людей, кто был по биографии русский и у кого в жилах текла хоть капля русской крови — ну половина — то точно — посадить на чемоданы. Но и здесь белорусы оказались мудрыми и вовремя „раскусили”, что любовь к Родине несовместима с разжиганием национальной вражды¹⁵.

Внедрение новых учебников для школ и вузов

Историческая политика президента началась с внедрения новых школьных учебников вместо прежних, признанными непригодными за „пропаганду антироссийских настроений и выражение симпатий к Западу”¹⁶. Оценивая революционные методы пересмотра школьных учебников в годы перестройки и после достижения независимости, Р. Линднер писал, что за последние пять лет руководящие указания о содержании ежедневной работы учителей истории на протяжении „одной ночи” менялись трижды: в 1988-1991 гг. (национал-коммунистическая версия истории эпохи перестройки), в 1992-1995 гг. (национальная историческая концепция независимой

¹⁴ Z.J. Winnicki, *Ideologia państwowa Republiki Białoruś – teoria i praktyka projektu. Analiza politologiczna*, Wrocław 2013, s. 24.

¹⁵ http://president.gov.by/ru/news_ru/view/doklad-na-seminare-rukovodjaschix-rabotnikov-po-ideologicheskoi-rabote-5821/ (30 VII 2014).

¹⁶ *Новый учебный год начнется по старым учебникам*, „Советская Белоруссия”, 17 VIII 1995, с. 1.

республики) и начиная с мая 1995 г. (ресоветизированный взгляд на историю эпохи Лукашенко)¹⁷. Начиная с 1995/1996 учебного года в преподавании использовались временно три поколения учебников: позднесоветские учебники; не ликвидированные окончательно учебники выпуска 1992-1995 гг.; и новые учебники и учебные пособия. Это создавало большое замешательство среди школьников и учителей, поскольку все три поколения книг строились на совершенно разных основаниях¹⁸.

Контроль за содержанием учебной литературы по истории был возложен на специально созданную Государственную комиссию по учебникам, которая взяла в свои руки организационное и содержательное обеспечение средней и высшей школы учебными материалами. Для студентов исторических специальностей университетов до 1998 г. не было официального и полноценно утвержденного учебного пособия. „Очерки истории Беларуси”, рекомендованные Министерством образования в 1994 г. одновременно для школьников и студентов, несмотря на их зачисление властями к продукции „националистической школы” продолжали использоваться большинством университетов.

В 1998 г. в качестве идеологической антитезы академическим очеркам вышло учебное пособие для вузов „История Беларуси” в 2-х частях, подготовленное коллективом преподавателей под редакцией Е. Новика и Г. Марцуля¹⁹. Авторы пособия, выполняя политический или идеологический заказ, написали совершенно безграмотную с массой фактологических ошибок работу, вызвавшую возмущение научной общественности и студентов. Издание, выполненное с позиций старой российской и советской историографии, представляло собой по выражению Г. Сагановича, «мягкую реэдицию истории „Северо-Западного края”²⁰. Сотрудники Института истории НАН Беларуси откликнулись на эту книгу развернутой критической рецензией, в которой в частности отмечалось, что „подобное освещение истории Беларуси с древних времен до 1917 г. ни в научном, ни в методическом отношении не отвечает требованиям, предъявляемым к учебным пособиям”²¹ (эта же оценка относилась и ко второй части издания, освещавшего события с 1917 г. до 1997 г.). М. Бич решил не ограничиваться коллективной ре-

¹⁷ Р. Лінднэр, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 440-441.

¹⁸ *Ibidem*, с. 441.

¹⁹ *Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў па люты 1917 г. Ч. 2. Люты 1917-1997 гг.*, Я.К. Новік, Г.С. Марцуль (рэд.), Мінск 1998.

²⁰ Г. Сагановіч, *Вяртанне ў „Северо-западный край?”*, „Беларускі гістарычны агляд” 1998, Том 5, Сшытак 2 (9), с. 457-488; *idem*, *Вайна з беларускай гісторыяй*, „Arche-Пачатак” 2001, № 3, с. 64.

²¹ М. Біч, Г. Галенчанка, І. Ігнаценка, У. Снапкоўскі, *Няспраўджаныя амбіцыі і абяцанні: Да выхаду вучэбнага дапаможніка для студэнтаў ВНУ па гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён*, „Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі” 1999, с. 163.

цензией и написал еще более полный разбор пособия в журнале „Беларускі гістарычны агляд”²².

В ответ на предметную критику руководитель авторского коллектива учебного пособия Е. Новик обвинил рецензентов в „прозападной БНФ-ской политико-идеологической ориентации”, приравняв своих оппонентов к „агентам западных спецслужб”, которые с помощью своей исторической концепции пытаются „не допустить создания союзного государства Беларуси и России”²³. „Рассчитавшись” таким образом со своими коллегами по историческому цеху, Е. Новик и его соавторы однако постарались хотя бы частично учесть высказанные критические замечания и второе издание „Истории Беларуси” уже не содержало такого огромного количества ошибок и несуразицы, как первое. Третье издание пособия для вузов, вышедшее в 2011 г., оказалось лучше второго, однако и оно не преодолело системных изъянов, заложенных изначально²⁴. В нем профессиональный долг историка подменен идеологической завязанностью научного редактора и основного автора пособия²⁵.

Недостатки современной исторической политики Республики Беларусь в части, относящейся к изданию прежде всего школьной учебной литературы, проанализировал Г. Лазько на примере учебников, вышедших под редакцией Е. Новика, которому фактически предоставлено монопольное право на публикацию учебной литературы под грифом Министерства образования Республики Беларусь. Отметим, что в последние годы в результате очередной реформы среднего образования осуществлен переход от двухуровневой к однолинейной организации учебного процесса, когда каждую учебную дисциплину ученик изучает на протяжении 11 лет только один раз. Такой исторической дисциплиной является комбинированная „Всемирная история. История Беларуси”. Требования государственных органов относительно целей, задач и содержания изучения истории изложены в „Концепции учебного предмета Всемирная история. История Беларуси” и образовательном стандарте этого учебного предмета, утвержденных Министерством образования в 2009 г.²⁶. Оба документа среди целей

²² М. Біч, *Гістарыя графічныя „навацы” ў навучальнай літаратуры*, „Беларускі гістарычны агляд” 1998, Том 5, Сшытак 2 (9), с. 489-522.

²³ Я. Новік, *Пісаць і выкладаць праўдзівую гісторыю, а не ствараць новыя міфы*, „Беларуская думка” 2000, № 10, с. 158, 164.

²⁴ Я.К. Новік, І.Л. Качалаў, Н.Я. Новік, *Гісторыя Беларусі. Ад старажытных часоў па 2010 г.: вучэб. Дапам.*, Мінск 2011.

²⁵ Р. Лазько, *op. cit.*, с. 240.

²⁶ *Концепция учебного предмета „Всемирная история. История Беларуси”*, „Гісторыя. Праблемы выкладання” 2009, № 7, с. 3-7; *Образовательный стандарт учебного предмета „Всемирная история. История Беларуси” (V-XI классы)*, „Гісторыя. Праблемы выкладання” 2009, № 7, с. 7-12.

исторического образования ставят на первое место „овладение учениками систематизированными знаниями о всемирном историческом процессе и формирование представлений о месте в нем Беларуси (...), воспитание социально активной и творческой личности, гражданина и патриота Отечества”. Концепция и государственный стандарт определяют и пути достижения поставленных целей: „формирование ценностных ориентаций учащихся на основе воспитания национального самосознания, гражданского патриотизма”, осознание „своей принадлежности к современной белорусской нации как нации политической, определяющим признаком которой является наличие суверенного белорусского государства”²⁷.

Г. Лазько, внимательно изучив содержание школьных учебных пособий по истории Беларуси под редакцией Е. Новика (вышедших в 2009 и 2012 гг.) применительно к одному из ключевых периодов ее новейшей истории, охватывающему 1917-1920 гг., с удивлением вынужден был констатировать, что „содержание соответствующих разделов не отвечает ни учебной, ни воспитательной целям, сформулированным в Концепции и государственном стандарте”²⁸. Как вытекает из текстов этих книг, белорусский народ в условиях развала Российской империи в 1917-1918 гг. оказался неспособным к созданию собственной государственности, проявив себя как несамостоятельная биосоциальная масса, а единственную неудавшуюся попытку в этом направлении сделала белорусская буржуазия, осуществив „самопровозглашение” БНР в 1918 г. Белорусскому народу (трудящимся массам) не оставалось ничего другого как ожидать подарка от большевистского руководства, которое то отбирало, то возвращало государственность. Вывод, сделанный белорусским историком, довольно однозначный:

(...) благодаря учебному пособию, которое ежедневно лежит на столах у белорусских школьников, в массовом сознании формируется нигилистическое отношение к этой исторической модели [белорусской государственности – В.С.] и одновременно – к государственно-созидательным способностям белорусского народа. Когда мы видим сегодня снижение в обществе страха перед историей (перед необходимостью жить, жить достойно, не стоять на месте), то, к сожалению, в значительной мере это происходит не благодаря, а вопреки [выделено автором – В.С.] современному школьному историческому образованию²⁹.

Белорусская исследовательница Т. Островская проанализировала школьные учебники по истории Беларуси с точки зрения их соответствия

²⁷ Концепция учебного..., с. 4; Образовательный стандарт..., с. 7-8.

²⁸ Р. Лазько, *op.cit.*, с. 236.

²⁹ *Ibidem*, с. 240-241.

европейским стандартам и рекомендациям Совета Европы и пришла к выводу, что они не отвечают большинству установок, сформулированным на европейском уровне. Принципы европейского образования не присутствуют в Беларуси даже на декларативном уровне, в частности в законодательных и директивных документах под принципом „демократического гражданства” понимается государственное толкование гражданства. Не выполняется рекомендация Совета Европы о том, что историческое образование должно нести функцию „воспитания активных и сознательных граждан”. Белорусское историческое образование остается в стороне от общеевропейских тенденций и норм и не отвечает на вызовы современности³⁰. По ее словам, „(...) учебник по истории по прежнему служит у нас интересам государства и власти, а не личности и общества”³¹.

Т. Островская выделила три этапа в издании школьных учебников по истории периода независимой Беларуси, дав им соответствующую характеристику. Учебная литература первого, „возрожденческого” этапа (1993-1995 гг.) пронизана стремлением нейтрализовать влияние коммунистической идеологии на историю и деконструировать старые советские мифы. Стремление историков написать новую историю белорусов как отдельной нации и найти им место во всемирной истории, вспомнить забытые события и реабилитировать репрессированные имена, утвердить древность и самобытность белорусской нации – все это было важным фактором в процессе формирования национальной идентичности. Вместе с тем иногда демонтаж одних мифов вел к созданию других, как она выражается, „националистических”³². Для характеристики второго этапа (1996-2001 гг.) использованы оценки белорусского политолога А. Казакевича, назвавшего этот отрезок „временем доминирования панславистско-русистской идеологии с элементами советской реставрации”³³. Этот этап характеризуется борьбой с национальным проектом и усилением русификации белорусской истории. Категорически отрицается прежняя концепция преподавания истории при полном отсутствии намерения сформулировать национальную идею в этническом либо гражданском вариантах³⁴. Для учебников третьего этапа, начавшегося в 2002 г., свойственна связь с формированием идеологии белорусской государственности. Наблюдается частичное

³⁰ Т. Астроўская, *Беларускія падручнікі па гісторыі: аб'ект маніпуляцый ці платформа для еўрапеізацыі*, [в:] *Вяртанне ў Еўропу: мінулае і будучыня Беларусі*, С. Дусэт, А. Дынько, А. Пашкевіч (рэд.), Варшава 2011, с. 151-153.

³¹ *Ibidem*, с. 151.

³² *Ibidem*, с. 156.

³³ А. Казакевіч, *Культурны фон беларускай палітыкі*, [в:] *Найноўшая гісторыя беларускага парламентарызму*, Мінск 2005, с. 132.

³⁴ Т. Астроўская, *op.cit.*, с. 157.

возвращение к забытым в предшествующий этап темам, реабилитация досоветской и отдельной, отделенной от российской, истории Беларуси. Авторы учебников стремятся утвердить стародавние истоки белорусской государственности, идущие от Полоцкого княжества или от ВКЛ. Также в последние годы заметна тенденция к централизации исторического образования и интенсификация законодательного процесса в этой сфере³⁵.

Коммеморативная политика

После 1994 г. изменилась роль и значение публичных СМИ, как и в целом коммеморативной политики. Расцвет исторической публицистики начала 90-х годов сменился усилением политических ограничений и снижением общественного интереса к событиям прошлого, в результате чего исторические дискуссии вернулись в помещения институтов и университетов и на страницы научных журналов. В 1997 г. в Беларуси издавалась 12 периодических изданий исторического и историко-культурного направления, однако их тираж падал из-за сокращения финансовой поддержки как изнутри, так и извне. Довольно широкое распространение получило репринтное издание классиков белорусской исторической мысли (В. Игнатовского, В. Ластовского, М. Довнар-Запольского, Е. Карского, В. Пичеты и др.). Вместе с тем количество изданных научных монографий было чрезвычайно малым. Хорошо развивались историческая библиография и другие вспомогательные исторические дисциплины, а также энциклопедическая литература³⁶. В 2003 г. было завершено издание „Энциклопедии истории Беларуси” (в 6 томах и 7 книгах), первого подобного издания среди постсоветских стран.

Раздел исторического видения среди постсоветского белорусского общества произошел и в сфере памятниковой культуры. В начале XXI в., констатирует Р. Линднер, Беларусь оставалась еще весьма далека от перспективы создания национально-исторической мемориальной культуры, которую можно было бы сравнить с соответствующей культурой прибалтийских стран. И хотя штурм старых исторических символов после 1990 г. не произошло ни в Минске, ни в другом белорусском городе или населенном пункте, статуя Ленина и памятник Дзержинскому в Минске являются „яркими примерами законсервированного советского символического мира”. Сегодня на пьедесталах городских памятников господствует своеобразный паритет унаследованной от прошлого и открытой заново истории

³⁵ *Ibidem*, с. 158-161.

³⁶ Р. Линднер, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 423-426.

советской и национальной формы³⁷. Вместе с тем несомненно, что реализация таких капитальных проектов, как реставрация Мирского и Несвижского замков говорит о присутствии сильного национального компонента в государственной исторической политике³⁸.

З. Шыбеко рассмотрел такой важный аспект исторической политики в современной Беларуси как использование истории в качестве средства патриотического воспитания граждан. Предлагаемая им периодизация этого направления исторической политики близка к той, которую разработала Т. Островская применительно к изданию школьных учебников, однако он вводит четыре этапа этой политики: 1) 1991-1994 гг. Переход к патриотическому воспитанию на материалах национальной истории; 2) 1995-2002 гг. Возвращение к воспитанию на материалах общесоветской истории и идеях панславизма; 3) 2002-2008 гг. Поворот к воспитанию на материалах истории Беларуси, но исключительно в российско-советской интерпретации, а также на идеях бесспорного преимущества социально-экономической модели президента Республики Беларусь; 4) С 2009 г. по наши дни. Постепенный отход от российских и советских канонов истории Беларуси и увеличение использования в деле патриотического воспитания материалов национального содержания³⁹. Отметим попутно, что эта периодизация, особенно ее третий и четвертый этапы, экстраполируется на всю систему государственной исторической политики.

Историк указал на ряд недостатков государственной политики в деле патриотического воспитания граждан Беларуси: недостаточно высокий общий уровень исторической науки, которая не успела завершить разработку национальной концепции истории, и инициированное властью разделение историков на официальных и неофициальных; главным инструментом в патриотическом воспитании остается тематика Великой Отечественной войны; воспитание не белорусского патриотизма, а российского провинциализма; ориентация на православие, что в поликонфессиональном государстве выглядит абсурдным; слабая государственная поддержка краеведения; недооценка роли учителя истории; доминирование в государственной политике мемориализации памятников советской эпохи и героики Великой Отечественной войны; доминирование в топонимике названий и имен советской эпохи; не соответствующая патриотическому воспитанию политика в деле сохранения историко-культурного наследия; отсутствие финансирования кино- и телефильмов на исторические темы⁴⁰. Кроме этих

³⁷ *Ibidem*, с. 428.

³⁸ Р. Лазько, *op.cit.*, с. 234.

³⁹ З. Шыбека, *Гісторыя як сродак патрыятычнага выхавання ў Беларусі*, [в:] *Вяртанне ў Еўропу...*, с. 178-179.

⁴⁰ *Ibidem*, с. 185-188.

недостатков З. Шибeko отметил некоторые трудности объективного характера, препятствующие национальному патриотическому воспитанию. Это отсутствие в белорусском обществе понимания того, что такое „европейскость”, под которой часто понимается некий общеевропейский шаблон общества. Это и существование феномена „белорусской советскости”, которая стала почти что национальной чертой белорусов, но которую не надо рассматривать в российском контексте, ибо советскость характерна для всех народов, бывших под коммунистическим правлением⁴¹.

Сделанный исследователем вывод звучит следующим образом:

Сегодня руководство Беларуси при организации такого [патриотического – В.С.] воспитания демонстрирует некоторую эволюцию в сторону национальных ценностей. Однако общее содержание учебников по истории и государственной политики памяти все еще ярко свидетельствует о постсоветской направленности патриотического воспитания. И теперь белорусские идеологи еще пользуются фактически сталинскими методами воспитания советского патриотизма, основанными на прихорошивании и цензурировании исторического прошлого. Однако такое воспитание в современных условиях становится все более неэффективным⁴².

Канон тем национальной истории

На протяжении 90-х годов в белорусской историографии закрепился сложившийся ранее более или менее устойчивый комплекс проблемно-тематических полей, бывших в центре общественных и научных дискуссий, которые „периодически делались актуальными и обнаруживали национальные претензии к восточнославянской истории”. К этому традиционному „канону тем национальной истории” Р. Линднер относит: проблему историко-этнического происхождения белорусов, раннесредневековую историю Полоцкого княжества, XVI ст. как „золотой век Беларуси” [кавычки Р. Линднера – В.С.] в составе Великого княжества Литовского; историю XIX в. с ее стержневой датой, 1863 годом; историю БССР во время „Великой Отечественной войны” [этот термин немецкий историк берет в кавычки – В.С.] с эмоциональным акцентом на партизанском движении⁴³.

⁴¹ *Ibidem*, с. 188.

⁴² *Ibidem*.

⁴³ Р. Линднер, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 18. Раздел его книги *Канон тем национальной истории* включает следующие подразделы: *Этногенез и „Белая Русь”*; *Полоцк как „первое белорусское государство”*; *Великое Княжество как „Белорусско-Литовское государство”*; *Национальное самосознание и „белорусская миссия”*; *В пантеоне национальной истории*; *„Центр Европы”: история как геополитика*. *Ibidem*, с. 445-477.

Эти тематические поля белорусской истории, начиная с поздних царских времен, имели двойную интерпретацию, в которой отражались все противоречия между национальным и имперским образами истории, о которых уже говорилось выше. Эта двойная культура истории и исторической памяти с ее радикальной сменой акцентов относительно настоящей истории белорусских земель превращала национальную и ненациональную (имперскую) концепции в „политически мотивированные конструкции, которые нередко насильственным образом отрицали [друг у друга – В.С.] само право на существование”⁴⁴. В нашей рецензии на книгу Р. Линднера в связи с данной цитатой ставился вопрос, какие ему известны примеры насильственного внедрения национальной концепции истории Беларуси и констатировалось, что примеров относительно противоположной, имперской концепции можно привести несметное количество⁴⁵.

Р. Линднер, прослеживая преемственность официального историописания царского и советского времени, как и периода независимой Беларуси с середины 90-х годов, заключает, что в нем доминировали исторические проекции, в которых история Беларуси все время показывалась в имперском контексте взаимоотношений с властью в России. Эти, по его словам, „интеграционные мифы” акцентировали внимание на общем происхождении восточнославянских „братских” [кавычки Р. Линднера – В.С.] народов и их православной набожности, общем образе врага в лице западного агрессора, на „противоречащей природе” принадлежности восточнославянских территорий к литовско-польскому контексту (здесь имеется в виду ВКЛ и Речь Посполитая), разнообразных актах воссоединения между 1654 и 1939 гг., наконец, на интеграционном опыте „Великой Отечественной войны”⁴⁶.

Продолжая разговор об узловых темах белорусской истории, сосредоточим наше внимание на тех из них, которые относятся к XX в. и которые выпали из поля зрения Р. Линднера. Эта проблема создания белорусской государственности 1917-1921 гг. и проблема социалистического строительства в межвоенный период и в послевоенные годы. В 1990-е годы белорусские историки продвинулись вперед в переосмыслении этой тематики в направлении более объективного и всестороннего освещения. Это нашло отражение в „Очерках истории Беларуси”, „Энциклопедии истории Беларуси”, статьях и монографических исследованиях. По-новому была дана трактовка вопросам провозглашения и деятельности Белорусской Народной Республики, которую советская историография однозначно рассматривала

⁴⁴ *Ibidem*, с. 479.

⁴⁵ У. Снапкоўскі, *Беларускі гісторык...*, с. 225-226.

⁴⁶ Р. Линднэр, *Гісторыкі і ўлада...*, с. 479.

как „буржуазно-националистическую” Раду, оторванную от интересов белорусского народа и враждебную им. В исследованиях 90-х годов БНР оценивалась уже как важное звено в процессе формирования белорусской государственности (тезис о том, что без БНР не было бы БССР), признавались ее заслуги в борьбе за территориальную целостность и нерушимость Беларуси в ее этнографических границах, против политики разделов белорусских земель, проводимой советской Россией и другими государствами (Польшей и Литвой). Более реалистически стала оцениваться Белорусская ССР как государственное образование, созданное ленинским правительством. Ряд историков акцентировали внимание на ее почти полной зависимости от советской России, политике национального нигилизма, проводимой большевистским руководством БССР. В трактовке вопросов социалистических преобразований историки начали говорить и той цене, которую пришлось заплатить народу за коммунистический эксперимент (понижение жизненного уровня, борьба за выживание, раскрестьянивание деревни, сталинские репрессии, моральная деградация общества, международная изоляция). В оценках событий начала Второй мировой войны (воссоединения Западной Беларуси с БССР) исследователи, основываясь на решениях Съезда народных депутатов СССР 1989 г., показали прямую связь между секретными протоколами к советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г. о разделе Польши и присоединением ее восточных провинций (Западной Беларуси и Западной Украины) к СССР⁴⁷. Новые подходы проявились и в описании Великой Отечественной войны на территории Беларуси (признание стратегических ошибок сталинского руководства в начальный период войны, осторожные попытки переоценки коллаборационизма⁴⁸). В описании заключительного этапа войны и послевоенного восстановления возникли новые темы, относящиеся прежде всего к международным отношениям (включение БССР в число первоначальных государств-членов ООН, помощь Беларуси со стороны ЮНРРА, переселение населения между Беларусью и Польшей, проблема самостоятельности во внешнеполитической деятельности БССР, белорусская эмиграция и диаспора). Новые трактовки и оценки послевоенного периода

⁴⁷ А. Смалянчук, *Верасень 1939 г. у савецкай і беларускай гістарыяграфіі*, „Гістарычны Альманах” 2000, Т. 3, с. 77-89; У. Снапкоўскі, *Вераснёўская акцыя 1939 г. Савецкага Саюза супраць Польшчы ў беларускай гістарыяграфіі*, [в:] *Białoruś-Polska: Przeszłość i teraźniejszość*, M.S. Wolański, G. Tokarz (red.), Wrocław 2008, s. 33-41.

⁴⁸ *Беларусь 1941-1945: подвиг, трагедия, память*. В 2 кн., А.А. Коваленя (ред.) [и др.], Минск 2010; *1941 год: страна в огне: историко-документальное издание*: В 2 кн., А.А. Коваленя, В.А. Смолий, А.О. Чубарьян (ред.), Москва 2011; А.А. Коваленя, *Прагерманскія саюзы моладзі Беларусі. 1941-1944. Вытокі, Структура. Дзейнасць*, Мінск 1999; А.М. Літвін, *Акупацыя Беларусі (1941-1944): пытанні супраціву і калабарацыі*, Мінск 2000.

развития касались проблем белорусской национальной культуры и языка, подвергнувшимся сильной русификации, форсированной урбанизации за счет сельского населения, коллективизации Западной Беларуси, внутрисоюзной миграции (выезду белорусов за пределы республики и приезде в нее иноэтнических элементов из других союзных республик, прежде всего русского населения).

В первой декаде XXI в. новый взгляд на белорусскую историю XX в. воплотился в 6-томной „Истории Беларуси”, 5 и 6 тома которой посвящены событиям после 1917 г. Это издание подготовлено сотрудниками Института истории НАН Беларуси и других учреждений в 90-е годы под руководством академика М. Костюка, однако публикация осуществлена уже вне рамок института и без его грифа, фактически полуофициально⁴⁹. Среди монографий по новейшей истории Беларуси (внутренняя тематика), где новые подходы проявились наиболее выразительно, можно назвать исследования И. Игнатенко, М. Костюка, А. Литвина, Л. Лыча, А. Сорокина⁵⁰. В области внешнеполитической деятельности к подобного рода публикациям можно отнести работы А. Великого, В. Снапковского, А. Тихомирова, С. Хомича, В. Шадурского⁵¹.

Однако новые концепции, подходы и оценки, сформулированные в монографической литературе, как и новые документы и материалы, не находили более или менее достойного и полного отражения в вузовских и еще в меньшей мере в школьных учебниках и пособиях, о чем уже говорилось,

⁴⁹ *Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917-1945 гг.*, М. Касцюк (рэд.) [і ін.], Мінск 2006; *Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946-2009 гг.*, М. Касцюк (рэд.) [і ін.], Мінск 2011.

⁵⁰ И.М. Игнатенко, *Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии*, Минск 1992; М.П. Касцюк, *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000; М.П. Костюк, *Большевицкая система власти в Беларуси*, Москва 2002; Л.М. Лыча, *Беларуская нацыя і мова: Літ.-гіст. арт.*, Мінск 1994; idem, *Міжнацыянальныя дачыненні на Беларусі: (верасень 1943 – кастрычнік 1964 г.)*, Мінск 2009; idem, *Культура Беларусі: от само-бытной к денационализованной*, Минск 2010; А.Н. Сорокин, *Искушение будущим и уроки прошлого. Белорусская деревня: От Декрета до Кодекса о земле (1917-1990-е годы)*, Минск 2008.

⁵¹ А.Ф. Вялікі, *На раздарожжы. Беларусь і палякі ў час перасялення (1944-1946 гг.)*, Мінск 2005; idem, *Беларусь-Польшча ў XX стагоддзі. Невядомая рэпатрыяцыя. 1955-1959 гг.*, Мінск 2007; В.Е. Снапковский, *Путь Беларуси в ООН. 1944-1945 гг.*, Минск 1994; idem, *Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі у 1944-1953 гг.*, Мінск 1997; idem, *Беларуска-польскія адносіны (1918-1989 гг.): Даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты*, Мінск 2013; С. Хомич, *Территория и государственные границы Беларуси в XX веке. От незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo*, Минск 2001; А.В. Ціхаміраў, *Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918-1921 гг.)*, Мінск 2003; В.Г. Шадурский, *Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945-1990-е гг.)*, Минск 2000.

чему препятствовала строгая государственная экспертиза в лице Государственной комиссии по учебникам. В учебной литературе по истории международных отношений и внешней политике Беларуси новый взгляд на международные реалии, в которых приходилось действовать БНР и БССР, удавалось излагать легче и смелее, о чем говорят авторские учебные пособия, подготовленные для студентов факультета международных отношений БГУ и имеющие гриф БГУ⁵². Однако наша попытка издания учебного пособия „История внешней политики Беларуси” под грифом Министерства образования Республики Беларусь не увенчалась успехом.

Внешнеполитические вопросы в исторической политике

Среди проблем истории международных отношений, к которым чаще всего обращался президент А. Лукашенко (помимо превалирующей тематики Великой Отечественной войны) и которые поэтому можно рассматривать как предмет исторической политики Республики Беларусь, следует назвать белорусско-польские отношения 1921-1939 гг. События этого периода (от Рижского мира до воссоединения Западной Беларуси с БССР) были в центре внимания белорусской советской историографии, трактовавшей нахождение белорусов в составе Польши исключительно с позиций „борьбы за социальное и национальное освобождение”. По мнению А. Великого, концептуально белорусская историография периода независимости осталась на позициях советской историографии при освещении ключевых вопросов белорусско-польских отношений межвоенного периода, в то время как польские историки после 1989 г. решительно разорвали с установками периода ПНР⁵³. Добавим однако, что здесь имеется в виду белорусская официальная историография, закрепленная в школьных и вузовских учебниках.

Болезненной проблемой в современных белорусско-польских отношениях остаются события, связанные с присоединением Западной Беларуси к БССР, которое произошло в результате вступления советских войск на территорию Польши 17 IX 1939 г. В Беларуси этот день считается днем на-

⁵² У.Е. Снапкоўскі, *Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст.*, Мінск 2003; Ч. 2. *Ад канца ХVIII да пачатку ХХІ ст.*, Мінск 2004; idem, *Беларусь в міжнародных отношениях в 1918-1945 гг.*, [в:] *История международных отношений: учеб. пособие*. В 4 ч. Ч. 2, Минск 2007, с. 306-379; idem, *Беларусь в международных отношениях (1946-1991)*, [в:] *История международных...* В 4 ч. Ч. 3, Минск 2010, с. 429-479; idem, *История внешней политики Беларуси*.

⁵³ А. Вялікі, *Гістарычная палітыка...*, с. 242.

ционального воссоединения, хотя он и не имеет статуса государственного праздника. В Польше эта дата национальной трагедии, когда польским войскам, сражающимся с немецкой агрессией, был нанесен удар в спину со стороны СССР, в результате чего территория Восточной Польши или Западной Беларуси и Западной Украины отошла к Советскому Союзу⁵⁴. Однако сейчас территориальной проблемы в отношениях между Республикой Беларусь и Республикой Польша не существует. Как отмечалось выше, оба государства признали установленную в 1945 г. советско-польскую границу и подтвердили это политическим договором 1992 г. С польской стороны официальных заявлений с претензиями на территории Беларуси не было.

В 2011 г. А. Лукашенко несколько раз обращался к вопросу, связанному по его мнению с польскими претензиями на белорусские земли. Этот вопрос белорусский президент поднимал в связи с неприглашением руководителя Беларуси на саммит Восточного партнерства в Варшаву. 30 IX, отвечая на вопросы представителей отечественных и зарубежных СМИ, он сказал:

Ну нейметься полякам, это для вас не секрет — вот западная граница должна проходить под Минском — не меньше не больше. И у отдельных, типа Сикорского, у них перед глазами Восточные Кресы. Так вот на счет этого хочу сказать: их попытка не мытьем, так катаньем оттяпать у нас часть Западной Беларуси — пока я живу и существую здесь как Президент страны — им этого не видать как собственных ушей. Наша страна едина, целостна и неделима⁵⁵.

На пресс-конференции для средств массовой информации регионов России 7 X 2011 г. А. Лукашенко также высказался подобным образом:

Это же Польша. Великие деятели. Они спят и видят, что граница Польши возле Минска проходит. Они никак не могут согласиться сегодня, что граница там, за Гродно. Это же восточные „крэсы”. Это вот Сталин плохой, взял и отобрал земли Западной Белоруссии [так в цитате – В.С.] у поляков⁵⁶.

На пресс-конференции 30 IX президент Беларуси сказал и о польских претензиях на немецкие земли и об историческом долге Германии перед белорусами:

⁵⁴ У. Снапкоўскі, *Вераснёўская акцыя...*, с. 41.

⁵⁵ http://president.gov.by/ru/news_ru/view/30-sentjabrja-prezident-belarusi-otvetil-na-voprosy-predstavitelej-otechestvennyx-i-zarubezhnyx-smi-5965/ (30 VII 2014).

⁵⁶ http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-dlja-sredstv-massovoj-informatsii-regionov-rossii-5966/ (30 VII 2014).

Поляки и к ним же [немцам – В.С.] такие требования предъявляют по определенным землям. Давайте откровенно говорить: немцы нам еще должны столько, что хватит ли у политиков нынешней Германии времени, чтобы рассчитаться за то, что было в прошлом веке⁵⁷.

В ответ на эти заявления МИД Польши отметил, что Варшава никогда не ставила под сомнение неприкосновенность существующей границы с Беларусью, назвав соответствующие высказывания белорусских официальных лиц „подстрекательскими” и „безответственными”⁵⁸. Белорусскому послу в Варшаве была вручена нота протеста. В ней уведомялось, что польское государство не намерено изменять границу с Беларусью. В свою очередь, белорусский МИД заявил, что с удовлетворением воспринимает польские разъяснения, но считает, что действия Польши не в полной мере отвечают духу добрососедства⁵⁹.

Член правления Центра международных исследований (Варшава) В. Бородич-Смолински утверждает, что после окончания Второй мировой войны Польша не имела территориальных претензий ни к одной стране. „Нам очень хорошо в наших границах, у нас хватает своих проблем, и нам не нужно новых проблем себе создавать” — сказал польский исследователь белорусскому новостному агентству „Naviny.by”. Эксперт считает, что в Польше нет ни одной серьезной политической партии или движения, которые выступали бы за пересмотр послевоенных границ: „Даже у Права и справедливости, самой радикальной из политических партий, представленных сейчас в польском парламенте, нет таких мыслей”⁶⁰. На тему территориальных претензий высказался и польский посол в Минске Л. Шарепка в интервью газете „Народная воля” 22 XI 2011 г.:

На данный момент и Польша, и Беларусь признают, что границы незыблемы, что этот вопрос не подлежит пересмотру, что мы не имеем друг к другу никаких территориальных претензий. Это не только закреплено юридически, в договорах, это уже закреплено в менталитете польского истеблишмента. И никто в Польше — подчеркиваю, никто! — даже не поднимает эти вопросы. Нам трудно понять, почему эти вопросы поднимает белорусская сторона⁶¹.

⁵⁷ http://president.gov.by/ru/news_ru/view/30-sentjabrja-prezident-belarusi-otvetil-na-voprosy-predstavitelej-otechestvennyx-i-zarubezhnyx-smi-5965/ (30 VII 2014).

⁵⁸ *Хочет ли Польша оттяпать пол-Беларуси*, <http://news.tut.by/politics/267425.html> (30 VII 2014).

⁵⁹ *Польша для Беларуси — любимый враг*, <http://news.tut.by/politics/280709.html> (30 VII 2014).

⁶⁰ *Хочет ли...*

⁶¹ *Леишк Шарепка: „Беларусь теряет время”*, <http://nv-online.info/by/230/printed/39172/.htm> (30 VII 2014).

После того как поутихли страсти вокруг белорусско-польской границы, в СМИ стала распространяться информация о том, что у Беларуси могут появиться территориальные претензии к Литве. В связи с российско-украинским конфликтом, разгоревшимся в 2014 г., политические наблюдатели высказывали мнения, что у Литвы могут появиться опасения относительно возможности использования Россией территориальных претензий Беларуси для давления на Литву. По этому поводу высказался литовский министр иностранных дел Л. Линкявичус, находившийся 15 V 2014 г. с официальным визитом в Минске. Он сказал, что не опасается того, что у Беларуси могут возникнуть территориальные претензии на Вильнюс, подчеркнув, что подобных заявлений с белорусской стороны нет, хотя теоретически это было бы возможно, поскольку существует тесный союз Беларуси и России, особенно в сфере безопасности. Л. Линкявичус также отметил, что у Литвы нет опасений, что однажды к власти в Минске могут прийти националисты, рассматривающие ВКЛ как исключительно белорусское государство. По его словам, Литва нацелена на сотрудничество и контакты с Беларусью, „потому что — это наши соседи”⁶².

Выход внешнеполитических аспектов (территориальных проблем с соседями) на передний план исторической политики белорусского руководства в последние годы заставляет нас вновь обратиться к 1990 г., когда власти БССР гальванизировали исторические проблемы в отношениях с выходящей из СССР Литвой и уже ставшей на путь посткоммунистической трансформации Польшей. Это говорит об определенной исторической закономерности использования белорусскими властями (сначала по подсказке из Москвы, а потом и самостоятельно) проблемы территориальных претензий в отношениях с западными соседями, ставшими членами НАТО и ЕС. При этом характерно, что если в случае с Литвой заявленные Верховным Советом БССР претензии на Вильнюс и другие территории, отданные Литве в 1939-1940 гг., не получили продолжения у властей независимой Беларуси, то проблема потенциальных, гипотетических претензий Польши на территорию Западной Беларуси не впервые поднимается в Минске на высоком уровне.

Заключение

Историческая политика президента А. Лукашенко имеет в силу ее относительной длительности свои закономерные черты развития и особенности, отличные от единого периода перестройки и парламентской республики.

⁶² Литва не боится территориальных претензий со стороны Беларуси – литовский МИД, <http://www.interfax.by/news/belarus/1156389> (30 VII 2014).

Это историческая политика государства, прошедшего первые годы становления и ставшего более или менее твердо на путь самостоятельного развития, со всеми ее проявлениями, хотя и довольно специфическими, отличными от процессов становления соседних европейских государств: официальной историографией, которая однако не слилась с национальным видением истории, системой исторического образования, институциональной, кадровой, издательской, мемориальной политикой, выходом на международную арену.

Как уже отмечалось, историческая политика периода президентской республики не является одномерным процессом, а делится на два этапа, рубежом которых выступает условно 2003 г. (год начала реализации проекта формирования государственной идеологии). С этого времени наблюдается определенная тенденция власти к консолидации историков и общественных сил вокруг этого проекта несмотря на продолжающееся разделение историков на провластных и „национально-свядомых”, реабилитации некоторых национальных исторических концепций, относящихся преимущественно к истории древнебелорусских княжеств и ВКЛ, а также XIX в., осторожному отходу от российско-советских канонов интерпретации некоторых исторических тем (за исключением твердых позиций по тематике Великой Отечественной войны) и увеличению материалов национального содержания в историческом дискурсе. Понимание необходимости противостоять путинской концепции „русского мира”, в отношении которой русскоязычная Беларусь является очень уязвимой, вероятно будет двигать белорусского президента в сторону укрепления национальной идентичности белорусов.

Summary

Vladimir E. Snapkovsky

Historical policy in the Republic of Belarus under President Alexander Lukashenko

The article analyzes main trends of the historical policy of Belarus during the presidency of Alexander Lukashenko, i. e. time span of more than 20 years, since 1994. The author distinguishes two stages in the development of the A. Lukashenko's historical policy. The first began with his coming to power, and lasted until the early of the 2000s. This was the phase of neo-Soviet and pro-Russian historical policy, characterized by a departure from the „National concept of the history of Belarus” and the transition to Soviet understanding of history with a dash of

„zapadnorusizm” and the Orthodox-imperial ideology. The second stage of the A. Lukashenko’s historical policy originated in 2003 by declaration of the Belarusian state ideology, and is ongoing. In the second phase there is a certain tendency of power structures to the consolidation of historians and other social forces around the project of creation of the Belarusian state ideology despite the continuing division of historians on the pro-government (pro-court) and „national consciousness”. Rehabilitation of some national historical concepts, relating mainly to the history of the ancient kingdoms and the GDL and the XIX century, a cautious move away from Russian-Soviet canons of interpretation of some historical facts (except for unchangeable positions on the subject of Great Patriotic and World War II) and an increase in the content of materials of national historical discourse are going on during this stage. Understanding the need to resist Putin’s concept of the „Russian world” is likely to be moving the Belarusian President to the direction of strengthen the national identity of Belarusians. Specially such issues as the introduction of new textbooks for schools and universities, commemorative politics, the canon of national history, foreign policy issues in the historical politics are considered as well in the article.

Władimir E. Snapkovsky – dr hab. historii, profesor w Katedrze Stosunków Międzynarodowych Wydziału Stosunków Międzynarodowych Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego w Mińsku